

Подземный переход

Ночью подземные переходы метро начинают пугать всерьез. Можно испугаться кого угодно — нищего со столь зловещим лицом, что ему впору промышлять на большой дороге, а не просить Христа ради, опухшей бомжихи, которая невразумительно и вместе с тем агрессивно требует милостыню, продавца грошовых игрушек, который назойливо предлагает свой товар... Пугает не он сам, не его товар — уродливые собачки, заводные солдаты с автоматами, которые стреляют цветными огоньками. Пугает то, что вокруг него. То, что намертво въелось в сальную кафельную стену за его спиной, в плитки под его ногами. То, что и является истинным цветом ночи — не черным, а тускло-серым. Цветом голода, цветом отверженных, цветом преступления.

И потому женщина с девочкой лет двенадцати, спешившие выйти из перехода, так испугались, услышав сзади резкий оклик:

- Пойдите!
- Что?!

Те разом остановились и обернулись. В этих ночных призывах, раздающихся в глухих местах, часто звучит не угроза, а мольба. Она звучала и сейчас в голосе молодой девушки, которая догоняла их, торопливо запахивая на

АННА МАЛЫШЕВА

груди расстегнутое пальто — в метро было жарко, в переходе — умеренный климат, на улице — мороз.

— У меня точно такая же, — задыхаясь, проговорила девушка, подбежав вплотную. И вдруг виновато улыбнулась: — Простите! Вы испугались? Я ищу жениха для кошки... — И застенчиво прибавила: — Ей сейчас очень нужно. Так орет по ночам, что соседи жалуются. Наверное, думают, что мы ее мучаем. Ей шесть лет, и я подумала — пора бы связать, чтобы потом хоть котенок на память остался. Она же не вечная! Только не с кем. А у вас...

— Наш Пусик? — радостно воскликнула девочка. Она первой пришла в себя, и теперь ее личико, искаженное страхом, снова стало миловидным. — А ему ведь тоже надо! Мама, правда ведь?

— Извините, — повторила девушка. — Просто у вас тайская кошка, у меня тоже тайская, а женихов нет... У вас — кот?

— Кот, — наконец подала голос мать девочки. Она и в самом деле держала в объятиях тайского кота — бежевого окраса, с темной мордой, лапами и хвостом. Его голубые глаза выражали полную невозмутимость. Он один не испугался неожиданного «нападения» в переходе метро.

— Как повезло! — радовалась девушка. — И какой милый! Сперва я даже подумала, что это несут мою Вассу. Так похожи...

— И мы, мама, тоже получим котенка на память! — просияла девочка. — Нашему Пусику восемь лет!

— Вот именно, что восемь, — рассудительно, однако вполне дружелюбно произнесла мать. — Он уже не маленький. Не на что рассчитывать.

— Но мама!

ТАМБУР

— В любом случае, — засуетилась девушка, — возьмите мой телефон. Сейчас!

Она принялась копаться в сумке в поисках бумаги, но ничего не нашла. Тогда девушка оторвала клочок от пачки сигарет и торопливо нацарапала номер:

— Вот! Меня зовут Мария. Маша.

— А меня Светлана, — радовалась девочка. Она смотрела то на случайную знакомую, то на мать, и в ее взгляде мелькало что-то заискивающее. Так смотрят дети, которые очень любят родителей и понимают, что те относятся к ним несколько иначе. Дети, которые слишком рано узнали, что такое нелюбовь. — Наш телефон...

— погоди, — оборвала ее мать. — Что ты суетишься? Наш кот — старый.

— Но мама...

Кот поднял голову с плеча женщины, будто тоже хотел высказать мнение по поводу будущей свадьбы. Скорее всего, отрицательное. Но ничего не сказал. Его старшая хозяйка нахмурилась:

— Давайте-ка созвонимся завтра. Мы слишком устали, ездили за город.

— И что — вот так? — поразилась девушка. — Без переноски, без ошейника?

— О, наш Пусик такой спокойный! — Девочка продолжала рекламировать жениха, но в ее голосе звучала настоящая тревога. — Он такой милый, он... Мама! Ну почему ты так? У тебя хотя бы появится подружка!

Девушка оторопела. В этом возгласе было столько отчаяния, уже совсем недетского, что ей вдруг показалось, что не стоило останавливать этих людей, которые явно торопились домой после трудного дня. А может быть, и стоило... Глаза этого подростка умоляли ее

АННА МАЛЫШЕВА

остановиться. Настоять на знакомстве. В них явно читалось: «На помощь!»

Но кому и зачем было помогать? Эти люди не были похожи на изгоев. На женщине — дорогая модная шубка, девочка одета проще, но как же еще одевать подростка, который вытягивается на глазах? У девочки — мягкое, привлекательное лицо, вскоре обещающее стать красивым. Лицо матери, еще не увядшее, не выражало...

Оно вообще ничего не выражало. Женщина спокойно смотрела на собеседницу, прижимая к груди кроткого кота. Зато дочь была вне себя:

— Мама, я дам наш телефон? Мама, я...

— Дай, — бросила та через плечо, отворачиваясь и невозмутимо продолжая путь.

— Вот, — засуетилась девочка, отыскивая в кармане клочок бумаги. Нашелся фантик от жвачки. — Это мамин мобильный, это мой...

— У тебя есть мобильный телефон?

— Да. — Девочка взметнула такой молящий взгляд, что Маше снова стало не по себе. Счастливый ребенок не мог так смотреть. Вообще ни один ребенок не должен был смотреть так. Даже тот, что просит милостыню в переходе метро.

— У меня есть телефон. — Девочка обернулась, отыскивая взглядом мать, уже почти исчезнувшую на выходе из подземного тоннеля. — У меня все есть. Меня зовут Света.

— Ты говорила.

— Да? — будто в оцепенении переспросила та и вдруг бросилась вслед за удалявшейся фигурой, облаченной в дорогую шубку.

«Что за черт, — растерянно подумала девушка, глядя на опустевший переход. — И ведь сколько раз говорила

ТАМБУР

себе — не знакомься на улице. На кого только не напорешься... А кошка перебьется. Ну дам еще одну таблетку. Ну не посплю еще ночь. Голосок у нее! Можно сажать на пожарную машину вместо сирены. Пускай вращает своими голубыми глазами и орет».

Когда она поднялась наверх, матери и дочери там уже не было. От них не осталось ничего, кроме фантика от жвачки, на котором были записаны два телефонных номера.

Девушка нащупала эту бумажку, когда глубже засунула руки в карманы. Внезапно она поняла, что пошла не в ту сторону. Ей нужно было свернуть направо, а она... Получается, возвращалась туда, где забыла перчатки.

Туда.

Куда решила больше не возвращаться.

К тому.

С кем решила никогда не говорить.

Может быть, именно потому она и заговорила с незнакомыми людьми. Ведь иногда хочется просто с кем-то поговорить.

Ночной магазин

Утром жена попросила купить к ужину «чего-нибудь». Алёна просила робко, будто заранее извиняясь за то, что вернется с работы слишком измотанной для того, чтобы заняться хозяйством. Они редко ужинали вместе. Жена возвращалась с работы усталая, бледная — казалось, на ее худощавом нервном лице навсегда отпечатались мертвенный свет люминесцентных ламп коммерческого банка, где она оформляла лицевые счета. Приходя с работы и видя на кровати скрюченную, обессиленную фигурку, Сергей уже не решался просить о каких-то услугах. Завтракали также порознь. Что такое совместный обед — давно забыли. Ели на работе, и еда была такой пресной и безвкусной, что он через пять минут забывал, что ел. Зато вспоминал об этом вечером, когда начинало саднить в желудке — гастрит вступал в свои права. Но вот, в кои-то веки, она попросила купить «чего-нибудь».

Наверное, рассчитывала прийти домой пораньше. А он вот запоздал.

Хорошо, что еще вспомнил... И вспомнил лишь потому, что, очнувшись от привычной, усталой оцепенелости, порезался о случайный взгляд возле ночного магазина.

«Ну и парень, — подумал Сергей, остановившись у освещенной витрины. Это было единственное место

ТАМБУР

в глухом переулке, где удавалось что-то разглядеть. — С таким в лифт не садись!»

А в сущности, в этом молодом человеке ничего пугающего не было. Наверное — лет двадцати. Темные, небрежно подстриженные и все-таки ухоженные волосы блестели в неоновом свете вывески магазина и, если к ним прикоснуться, наверняка оказались бы шелковистыми. Глаза черные — хотя при таком освещении разобрать было трудно. Обычный прохожий — но с каждой секундой он все больше удивлял Сергея.

Одет не по погоде — на улице мороз, а на нем ничего, кроме классического костюма-тройки. Будто парень удрал из офиса, прикупить булочку к чаю. Днем это никого бы не удивило — ну выскочил на минутку, ну молодость — мороз нипочем, работа срочная... Но какой там офис около полуночи, какой чай? И если учесть, что на улице было уже минус пятнадцать... Сергей вспомнил, как взглянул на термометр, уходя с работы, и выругался про себя — утром понадеялся на лучшее, надел легкие ботинки.

Поза этого парня... Ему бы на таком холоде и в такой одежде рвануть в магазин, в тепло, купить что нужно и аллюром обратно. А тот стоял перед витриной, легко и небрежно положив руки на бедра, будто собирался спеть арию Кармен из оперы Бизе. Но не пел. Даже не двигался. Просто что-то созерцал.

Но главное — взгляд. Это был остановившийся взгляд человека, который видит перед собой нечто страшное, настолько страшное, что даже отказывается от попытки сопротивления. Так могла бы смотреть жертва, которую загнали в угол несколько мучителей, и она, поняв, что спастись нельзя, от ужаса теряет и силу воли, и рассудок. Так могла бы смотреть на своего насильника женщина,

АННА МАЛЫШЕВА

которая уже безо всякой надежды шепчет помертвевшими губами: «Пожалуйста, не надо...» И так мог бы смотреть на нее насильник, втайне пугаясь того, что сейчас совершит. Иногда преступник и жертва смотрят совершенно одинаково. Но за стеклом витрины этого ночного магазинчика ничего страшного не было. Кого могли напугать кирпичики хлеба, шоколад, собачьи консервы и бутылки с газировкой?

Поднималась метель — в переулке под стенами домов разворачивался, шипя, клубок спутанных снежных змей. Рядом коротко и солидно мяукнула кошка, человек обернулся. Во тьму мимо него скользнули два женских силуэта. Побольше — в шубе, поменьше — в курточке. Явно мать и дочь. Кошки он не заметил. Молодой человек, который давно должен был окоченеть на морозе, тоже обернулся и, не торопясь, проводил взглядом прохожих.

«Он мне не нравится».

Это была категорическая, обрывочная ночная мысль смертельно уставшего человека, который даже не дает себе труда додумать — почему не нравится?

За стеклом виднелась пышная пожилая продавщица с лицом, покрытым то ли слоем грима, то ли жира. Они видели ее, она не видела их. И внезапно Сергею подумалось, что молодой человек запросто может войти в магазин и... свернуть, например, шею этой женщине. Просто так. Потому что ему больше нечего делать.

«Почему он так туда смотрит?»

Мысли о том, что нужно сделать покупки, вылетели из головы. Он забыл и о времени, и о жене, и о том, что новая начальница явно к нему не благоволит. Реальной осталась лишь темная улица, освещенная призрачным светом витрины, и это лицо. Надо признать, красивое.

ТАМБУР

Очень белая кожа. Правда, в свете неона она казалась голубой. Правильные черты, которые из-за своей правильности могли бы даже показаться скучными, если бы не линия носа — слегка горбатого. И нежная, совершенно девичья шея, виднеющаяся из-под ворота рубашки.

Но взгляд все портил. Так смотрит только человек, который может убить.

Который хочет убить.

Или который уже убил.

Молодой человек резко толкнул дверь магазинчика и вошел. Через витрину было видно все — как зевнула ему навстречу продавщица, как поздоровалась — явно видя не впервые, продала пачку сигарет. Сергей вошел следом, разом вспомнив о заказе жены. Наугад купил пельмени, от которых следовало ожидать лишь изжоги, банку маринованных огурцов, колбасу.

Он делал покупки почти с ненавистью. Почему-то именно этим вечером он особенно отчетливо ощущал, что у него есть квартира, жена и двое детей, а на самом деле у него нет ни дома, ни семьи. Пусть квартира принадлежит ему, но жена принадлежит работе, а дети — бабушке, у которой они сейчас и ночуют.

«А я сам? Я нужен кому-то или нет?»

Такие мысли приходили по ночам, когда он возвращался с работы, издерганный, усталый, почти больной. И каждый раз думал — к чему так надрываться, для кого? Он чувствовал себя заложником, которому велели отвернуться к стене и сложить руки за головой. Причем не сказали, сколько именно придется простоять в этой унижительной позе. «А чего ты хочешь? — спросила бы Алёна. — Это — жизнь».

— Дай еще коньяку, — по-приятельски сказал молодой человек продавщице.

АННА МАЛЫШЕВА

— А я думаю — когда вспомнишь. — Она встала на пластиковые ящики с пивом и ловко достала бутылку с верхней полки. — Я уже наизусть знаю, чего тебе надо.

— Не упади.

— Я-то ладно. — Она спустилась на пол, лениво растирая округлый бок, обтянутый синим нейлоновым передником. — Бутылку бы не разбить.

Он расплатился. Они говорили как во сне — без интонаций, глядя не в глаза, а куда-то в лоб — в «третий глаз». Так говорят люди, которые друг другу глубоко безразличны. Молодой человек взял бутылку, прижал ее к груди, как младенца, и обернулся к Сергею. Глаза у него оказались синими. Неправдоподобной синевы и невероятной жесткости.

— Разрешите. — Он протиснулся за Сергеем и исчез за дверью.

«Уже убил или скоро убьет», — снова подумал он, провояжая взглядом парня и удивляясь этой мысли. Почему она так навязчива? Откуда взялась? Ведь было же что-то, вызвавшее ее... Неужели только взгляд? Когда парень вышел и над дверью фальшиво брякнул колокольчик, он спросил продавщицу:

— Кто это?

— Это? — Женщина грузно перегнулась через прилавок. — Да никто. Живет по соседству. Четвертый день пьет.

Она оказалась словоохотливой, и мужчина узнал, что они с синеглазым парнем, в сущности, соседи — живут через дом.

«А я его не припомню...»

— Повезло ему, — со сдержанной ненавистью сообщила продавщица. — Таким вот везет, а честным людям... Не дожدهшься! Получил в наследство квартиру и денежки.

ТАМБУР

«Какая чепуха, я слишком устал, вот и мерещится. Но мне показалось, что у него на руке...»

— Ничем не занимается, днем спит, выходит по ночам. Бездельник!

«Я видел это! У него на руке, на той, которой он взял бутылку с коньяком... На правой! А она ничего не заметила!»

— А вообще, он вежливый, — интимно сообщила женщина, перегнувшись через прилавок. — Только в последнее время сам не свой. Наверное, что-то случилось.

«Ну уж за это я ручаюсь! Если я видел это не во сне, то случилось!»

Дома он осторожно положил сверток с покупками на кухне. Но все-таки не настолько осторожно, чтобы не разбудить жену. Та медленно выползла из спальни, зябко запахивая грудь в сиреневую ночную рубашку. Глаза глядели исподлобья — спросонья.

— Который час, — она не спросила, а пробормотала. У нее не осталось сил даже на вопрос.

— Поздний.

— Купил чего-нибудь?

— Вон — на столе.

Женщина подошла и осмотрела покупки. Качнула растрепанной прической, которая завтра, в банке, снова станет аккуратной.

«Но не для меня».

— Сколько говорила — не покупай эти пельмени.

— Тогда покупай сама.

— Когда мне успеть... — Она растерла ладонями затекшее лицо и вдруг взглянула на мужа внимательней. — Что с тобой? Очень устал?

— Я сейчас встретил парня... — начал было Сергей, но осекся, увидев, что жена облокотилась на стол и сжа-